

Сеничева О. А.,
кандидат филологических наук,
Бердянский государственный
педагогический университет

ОДНОСОСТАВНЫЕ ИНФИНИТИВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ КАК СПОСОБ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

На современном этапе в силу антропоцентризма вопрос о психических состояниях человека занимает одно из ключевых мест в научной парадигме. Вербализация психических состояний дефинируется в аспекте изучения структуры и способов представления концептуального пространства текста, а также отражения национальной и авторской картин мира через языковое сознание писателя (А. Вежбицкая, А. К. Кляйнберг, Н. А. Красавкий, Е. С. Кубрякова, Н. И. Шаховский, Р. А. Уилсон и др.), чем и обусловлена **актуальность** нашего исследования.

Предметом рассмотрения являются единицы текста, определяющие способ представления концептуального пространства и служащие средством отражения концептуальной картины мира писателя.

Материалом исследования послужил роман Ф. М. Достоевского “Бесы”.

Цель работы – структурно-семантическое описание способов представления концептуального пространства романа, формируемых на когнитивном уровне языковой личности писателя и отражающих картину мира.

Поставленная цель конкретизирована в следующих **задачах**: 1) указать особенности соотношения понятий “картина мира” и “языковая личность писателя”, 2) определить виды концептуализации, 3) выявить особенности функционирования в тексте безлично-инфинитивных конструкций как собственно лингвистических ключевых знаков.

Соотношение национального и индивидуального компонента в рамках когнитивной парадигмы опирается на лингвокультурологический и антропоцентрический подходы к проблеме концепта (Н. Д. Арутюнова, А. Вежбицкая, Ю. С. Степанов и др.).

Концепт – ментальная сущность языка, смыслы, связанные с представлениями человека о мире (В. З. Демьянков, Е. С. Кубрякова, З. Д. Попов, И. А. Стернин [7] и др.), выраженные в контекстах с оценочным компонентом.

Интерпретация текста является определенным средством для “анализа мысли носителя языка” (Р. И. Павилёнис) [6].

Концептуальное пространство – часть семантического пространства текста, наряду с денотативным и эмотивным (Л. Г. Бабенко) [1, 56], – фиксирует ценностные доминанты.

Лингвистический анализ концептуального пространства текста способствует выявлению особенностей языковой личности автора.

По степени обусловленности интенцией автора можно констатировать наличие двух видов концептуализации:

1) общекультурной, при которой концептуальное значение закрепилося в форме ключевого знака;

2) авторской, при которой концептуальное значение не закрепилося в знаке, но вытекает из макроконтраста (фрагмента текста, достаточного для понимания идеального плана ключевого знака).

При изучении концептуального пространства текста необходимо учитывать не только концептосферу (Д. С. Лихачев) [4], но и концептуальный фон, образованный концептами общекультурного характера. Он первичен, так как художественная литература отражает речевую деятельность той национальной языковой культуры, к которой принадлежит автор, а потому равным образом присущ как сходным, так и различным личностным картинам мира.

Концептуализация в художественном тексте затрагивает все языковые уровни. Причем в одних случаях концептуальная информация содержится в форме ключевого знака (фонетический, словообразовательный, грамматический уровни), в других – в контексте (лексико-грамматический уровень), поскольку концептуализируется лексика, относящаяся к различным частям речи (существительные, прилагательные, глаголы, местоимения и т.д.). На фонетическом, словообразовательном, грамматическом уровнях выделяются собственно лингвистические ключевые знаки; на лексико-грамматическом – несобственно лингвистические ключевые знаки. Характер знака зависит от степени открытости уровней системы языка.

Анализ способов авторской концептуализации предполагает выделение ключевых знаков – единиц текста, соотносимых с концептом как материальное и идеальное. Знак становится концептуализированным, если он требует дополнительного декодирования.

Художественный текст состоит не только из концептуализированных ключевых знаков, но и из нейтральных знаков, лишь соотносимых с концептуальной картиной мира.

Таким образом, выделяется два вида знаков: 1) неконцептуализированные (нейтральные) и 2) концептуализированные.

Кроме частотности, по нашему мнению, одним из основных параметров знака является его функционирование в речи различных героев и собственно авторской.

Концептуальное значение, не имеющее формальных показателей, вычленяется из микро- и макроконтраста. Однако минимальный контекст часто оказывается недостаточным, чтобы интерпретировать оттенки семантики. Изучение конкретных реализаций приводит к мысли о неоднородности процесса концептуализации, его избирательности. Минимальный контекст позволяет учесть только первичное значение лексемы – языковое значение, поверхностное (общее), не учитывающее его специфическую трансформацию в тексте. Так, “старый баркас”, “старые вещи” могут одновременно являться и фактическими и оценочными характеристиками, что затрудняет их дифференциацию с точки зрения наличия или отсутствия концептуализации. Привлечение широкого контекста обеспечит более точное разграничение неконцептуализированных и концептуализированных знаков. В рамках макроконтраста можно увидеть, что в реализациях “старый баркас” и “старые вещи”

заложены оценочные признаки “непригодность” и “очевидность”, что говорит об их концептуализированности.

Анализ контекстов (873 лингвистических реализаций и 1424 – несобственно лингвистических) показал, что в романе Ф. М. Достоевского “Бесы” концепты противопоставлены как универсальные (национальные) и авторские, базовые и периферийные. Концепты и их оппозиции организуют концептуальное пространство художественного текста.

Безлично-инфинитивные конструкции – одно из средств отражения картины мира в концептуальном пространстве текста.

Результатом общекультурной концептуализации является т.н. “концептуальный фон” – структурный компонент концептуального пространства текста, отражающий национальную картину мира и вычленимый на основе собственно лингвистических ключевых знаков: словообразовательных элементов, грамматических конструкций и т.д. Собственно лингвистический знак в художественном тексте относится к языковой картине мира, но соотносится с концептуальной. Ключевой знак, не зависящий от контекста, является сильной позицией и в силу этого становится концептуализированным. При общекультурной концептуализации концепт не омонимичен ключевому знаку; номинация концепта в этом случае формулируется на основе общего языкового значения рассматриваемых структур.

В качестве фрагмента концептуального фона рассмотрим базовый универсальный концепт “судьба”, представленный в текстах собственно лингвистическими ключевыми знаками, а именно:

- безлично-инфинитивными конструкциями: инфинитивными (с предикатами долженствования, без модальных слов);
- безличными (с возвратными / невозвратными глаголами, с предикатами состояния).

Данные конструкции выделены по структуре, но анализ протекает в аспекте семантики. Связь структуры и семантики, обусловленная общекультурной концептуализацией, прослеживается в предложениях, построенных по определенной модели и обладающих не только языковым, но и экстралингвистическим содержанием.

1. Инфинитивные конструкции с предикатами долженствования. Кроме инфинитивности, присутствующей в структуре предложения, конструкции свойственна безличность, формально понимаемая как отсутствие субъекта в И.п. Вслед за И. М. Кобозевой и Н. И. Лауфер [3, 63–71] в качестве ядра предикатов долженствования выделяем шесть предикатов: *должен, обязан, следует, надо, нужно, необходимо*. Все они представлены в тексте романа, где наблюдается тенденция к доминированию предикатов класса “надо” и его подклассов (*надо, нужно, необходимо, можно / нельзя*), действие которых потенциально возможно и обращено в будущее, что отражает не столько индивидуальную, сколько национальную картину мира: “*Надо было по возможности напомнить о себе в свете, по крайней мере попытаться*” [2, 37]; “*Шатова надо сначала связать, а потом уж с ним рассуждать*”, – *шутит иногда Степан Трофимович; но он любил его*” [2, 43]; “*Нельзя любить то, чего не знаешь...*” (Шатов) [2, 52]; “*Надо было непременно рассказать*

ему какую-нибудь сплетню, городской анекдот и притом ежедневно новое” [2, 74]. Использование в составе инфинитивных конструкций предикатов с семантикой долженствования приводит их к сближению с авторским концептом “польза”.

2. Инфинитивные конструкции без модальных слов. Инфинитивные конструкции без модальных слов выражают отсутствие контроля над собой, отражают неагентивность (неконтролируемость) мышления (А. Вежбицкая) [8].

Согласно структурно-семантической классификации подобных конструкций выделяются следующие признаки:

а) Я хочу: “А если говорить всю правду...” [2, 27].

б) Было бы хорошо / плохо: “– Нет выше счастья, как собою пожертвовать” [2, 79].

в) Мне следовало бы: “Но забегать вперед нечего” [2, 58].

г) Мне необходимо: “<...> Что же и делать человеку, которому предназначено стоять “укоризной”, как не лежать, – знает ли она это?” [2, 75].

3. Безличные конструкции с возвратным глаголом. Безличная конструкция с возвратным глаголом имеет общее языковое значение – “неконтролируемость”:

а) “Стихия”: ““Забьли меня, никому я не нужен!” – вырывалось у него (Степана Трофимовича) не раз” [2, 35]; “Боже, сколько у вас накопилось дурных привычек!” (Варвара Петровна) [2, 74].

б) “Воля”: “Мне случалось тоже читать и Петрушины письма к отцу; писал он до крайности редко, раз в год и еще реже” [2, 87]; ““Кажется, готов к труду, материалы собраны, и вот не работается! Ничего не делается!” – и опускал голову в унынии” (Степан Трофимович) [2, 35]; “В шестьдесят третьем году ему как-то удалось отличиться...” [2, 55].

Безличные конструкции с возвратным глаголом не всегда легко трансформируются в личные конструкции. Существующая вариативность в конструкциях с глаголом *хотеть* указывает на наличие выбора: “<...> Я, право, не знаю, как мне вдруг захотелось <...> глупость...” [2, 58]; “Ей хотелось, чтобы Nicolas по крайней мере хоть что-нибудь ей сказал, хоть объясниться бы удостоил” [2, 60].

При возможной трансформации активность безличных предложений с истинным субъектом, выведенным за рамки конструкции, свидетельствует об устойчивости пассивного псевдо-агенса. В остальных случаях использования подобных предложений выдержана строгая общекультурная концептуализация, произошедшая в системе языка и лишь последовательно представляемая писателями в художественном тексте. В конструкциях *я слышу / мне слышится* и т.п. налицо единая содержательная сторона при различной смысловой. На содержание высказывания не влияет активность / пассивность его субъекта, но она существенна при вычленении языкового значения: в первом случае субъект – агент (я), во втором – псевдо-агент (мне), настоящий же агент находится за пределами высказывания, подчеркивая значение иррациональности и неконтролируемости. Таким образом, на основе фатальности, пассивности формируется концепт “судьба”, представленный в текстах только собственно лингвистически.

4. Безличные конструкции с невозвратным глаголом. Языковое значение конструкций с невозвратным глаголом – семантика неконтролируемости. В данных конструкциях субъектом, воздействующим на человека, является некая внешняя сила, орудием которой становится определенное природное явление. Иррациональность в синтаксисе проявляется благодаря развитию значений стихийности в условиях существования двух субъектов: один находится в тексте, другой – за его пределами. (А. Вежбицкая) [8].

Текстовый субъект может быть выражен именем в Р., Д. и Т.п. (для возвратных глаголов возможно только сочетание с Р.п.) или подразумеваем и, вследствие этого, легко восстанавливаем:

а) “Стихия”: *“Выходило таким образом, что Липутин раньше всех догадался”* [2, 64].

б) “Состояние среды”: *“На дворе моросило...”* [2, 80].

5. Безличные конструкции с предикатами состояния. Безличные конструкции с предикатами состояния также являются собственно лингвистическими ключевыми знаками с общим языковым значением семантической неконтролируемости. Оттенком этого значения, единого для всех безличных конструкций, будет являться “состояние субъекта”.

В романе “Бесы” парадигма безличных конструкций с предикатами состояния не столь обширна, видимо, в связи с индивидуальной неразработанностью системы личностных смыслов, оценивающих внутреннее состояние героя, что обусловлено позицией автора в тексте. Но данные конструкции также соотносятся с концептом “судьба”, поскольку состояние овладевает субъектом помимо его воли, указывая на его пассивность и зависимость от внетекстового “истинного” субъекта: *“Ясное дело, что при благородстве и бескорыстии Степана Трофимовича ему стало совестно пред се cher enfant...”* [2, 96].

Собственно лингвистический ключевой знак (в данном случае конструкция) несет в себе общекультурную концептуализацию, имеющую не авторский, а национальный или наднациональный (универсальный) характер. В исследовании безличные конструкции важны как показатели особого способа действия, его описания, а следовательно, и представления о нем как о явлении, не подверженном контролю и протекающем без участия субъекта и каких-либо действий с его стороны. В конструкциях наглядно демонстрируется трансформация представлений о действии как активном начале в сознании носителей русского языка.

Процесс концептуализации предусматривает активизацию имплицитного: на первый план выходит не содержание ключевого знака, а его смысл. Концепт “судьба” является примером общекультурной концептуализации, поскольку концептуализация заключена в форме самого знака. Концепт “судьба” возникает на базе безлично-инфинитивных конструкций, развивая свое основное лексическое значение: “стечение обстоятельств, не зависящих от воли человека, ход жизненных событий” (С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова) [5, 676].

Частотность конструкций в творчестве писателя свидетельствует о том, что они значимы для всей системы языка, и именно в ней концептуализируются данные

единицы. Они являются результатом общекультурной концептуализации и образуют концептуальный фон произведения – часть концептуального пространства текста, идеальную сторону материально представленных ключевых собственно лингвистических знаков.

Таким образом, проанализированные собственно лингвистические знаки (безлично-инфинитивные конструкции) указывают на особенности выражения субъекта: псевдо-агентом в структуре предложения и “истинным” агентом – за его пределами.

Концепт “судьба” не является омонимичным ключевым знакам текста, как и другие (“душа”, “тоска”).

Кроме данных конструкций, ведущих к концепту “судьба”, существуют другие собственно лингвистические ключевые знаки, что является **перспективами дальнейшего исследования.**

Литература

1. Бабенко Л. Г., Казарин Ю. В. Лингвистический анализ художественного текста : [учебник для ст-тов, аспирантов, преподавателей-филологов] / Л. Г. Бабенко, Ю. В. Казарин. – М. : Флинта ; Наука, 2006. – 496 с.
2. Достоевский Ф. М. Бесы : [текст] / Ф. М. Достоевский. – М. : Худ. лит., 1990. – 672 с.
3. Кобозева И. М., Лауфер Н. И. Интерпретирующие речевые акты / И. М. Кобозева, Н. И. Лауфер // Логический анализ языка : язык речевых действий. – М. : Наука, 1994. – С. 63–71.
4. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачев // Изв. АН СССР. Серия лит. и яз. – 1993. – Т. 52. – № 1. – С. 3–9.
5. Ожегов С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов ; [под ред. Н. Ю. Шведовой]. – 18-е изд., стереотип. – М. : Рус. яз., 1986. – 797 с.
6. Павилёнис Р. И. Проблема смысла : современный логико-философский анализ языка [Электронный ресурс] / Р. И. Павилёнис. – М. : Мысль, 1983. – 286 с. – Режим доступа : <http://www.twirpx.com/file/122835/>.
7. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М. : АСТ : Восток–Запад, 2010. – 314 с.
8. Русская грамматика [Электронный ресурс] / [гл. ред. Н. Ю. Шведова]. – М. : Наука, 1980. – Т. 2 : синтаксис. – 714 с. – Режим доступа : <http://rusgram.narod.ru/sod1.html>.

Аннотация

В статье рассматриваются проблемы отражения концептуальной картины мира писателя в художественном тексте. Исследование выполнено на материале романа Ф. М. Достоевского “Бесы”. Проведен анализ способов авторской концептуализации на уровне выделения ключевых знаков – безлично-инфинитивных конструкций (с предикатами долженствования и состояния, с возвратными и невозвратными глаголами и без модальных слов).

Ключевые слова: концептуальное пространство, концепт, судьба, безлично-инфинитивные конструкции, Ф. М. Достоевский.

Анотація

У статті розглядаються проблеми відображення концептуальної картини світу письменника в художньому тексті. Дослідження виконано на матеріалі роману Ф. М. Достоевського “Біси”. Проведено аналіз способів авторської концептуалізації на рівні виділення ключових знаків – безособово-інфінітивних конструкцій (з предикатами повинності та стану, зі зворотними та незворотними дієсловами і без модальних слів).

Ключові слова: концептуальний простір, концепт, доля, безособово-інфінітивні конструкції, Ф. М. Достоевський.

Summary

The article focuses on the problems of reflection the author's conceptual picture of the world in fiction. The research has been based on F. M. Dostoevsky's novel "The Possessed". It has been analysed the ways of the author's individual conceptualization at the level of key signs highlighting – impersonal infinitive constructions.

Keywords: conceptual space, concept, destiny, impersonal infinitive constructions, F. M. Dostoyevsky.